

В.А.Красильщиков

Восхождение на Аконкагуа

Спортивный опыт латиноамериканиста

В статье описывается личный опыт восхождения на вершину Аконкагуа, высшую точку Западного полушария, в декабре 2011 г. Автор делится своими впечатлениями от увиденного и показывает, что такое высотный альпинизм. Описываются также природа Анд, нравы и порядки аргентинцев, пересечение аргентинско-чилийской границы.

Ключевые слова: Аргентина, Аконкагуа, высотный альпинизм, Мендоса, туризм, Чили.

Аконкагуа, самая высокая гора обеих Америк, расположена на северо-западе аргентинской провинции Мендоса, недалеко от границы с Чили. Высота ее главной вершины — 6962 м над уровнем моря.

Впервые попытку взойти на гору предпринял немецкий геолог и путешественник Пауль Гюссфельдт в 1883 г. по северо-западному маршруту, который ныне считается самым простым путем. Ему удалось дойти лишь до высоты 6500 м. Первым, кто сумел покорить вершину, был швейцарский восходитель Матиас Цурбригген в составе английской экспедиции Эдварда Фитцджеральда. Это произошло 14 января 1897 г. Первым же аргентинцем, взойшедшим на самую высокую гору своей страны, был лейтенант аргентинской армии Николас Плантамура, который достиг вершины 8 марта 1934 г. в сопровождении трех итальянцев и одного чилийца. В том же году польские восходители открыли северо-восточный маршрут на вершину через ледник, который с тех пор называется Польским (Glaciar de los Polacos). Первой женщиной, покорившей Аконкагуа, была француженка Адриана Банс. Это событие произошло, когда в Европе шла «странная война», — 7 марта 1940 г. Самое интересное, что даму сопровождал, помимо аргентинцев, членов альпклуба Мендосы, немец Хорхе Линк. Наконец, с 1947 г. началось освоение технически сложной для восхождения Южной вершины Аконкагуа (6930 м). Первыми в этом деле оказались немцы. Правда, поднимались они не по самой Южной стене, а по обычному маршруту, выйдя затем на гребень, который соединяет южную и главную вершины. Зато аргентинцам принадлежит пальма первенства в зимнем

Виктор Александрович Красильщиков — доктор экономических наук, заведующий сектором ИМЭМО РАН (f1.victor@mtu-net.ru).

восхождении на свою гору. Произошло это на излете второй после «эпохи тучных коров» золотой поры Аргентины — в конце первого правления Хуана Доминго Перона, 11—15 сентября 1953 г. В 50—60-е годы XX в., на волне бума массового потребления в странах Запада, Аконкагуа становится местом паломничества туристов и альпинистов из многих стран. В январе 1986 г. швейцарцы даже затащили на вершину велосипед «Пежо», проехав на нем вниз большую часть пути*.

С точки зрения альпинистской техники гора несложная. Главное — высота. На такой высоте уровень содержания кислорода в воздухе составляет около 40% от нашей равнинной нормы. Это, естественно, влечет за собой тяжелые последствия для здоровья. Так, в январе 2009 г. там умерли пять человек. Поэтому техническая простота восхождения и относительная доступность этой горы весьма обманчивы. Но именно эта обманчивость, которая часто оборачивается жестоким разочарованием, в сочетании с высотой и привлекает к Аконкагуа покорителей горных вершин со всего мира. Среди них есть и опытные альпинисты (*андинисты*, как говорят в Аргентине), и дилетанты, надеющиеся на «авось» и плохо представляющие себе, что такое высотное восхождение.

В России, особенно после введения безвизового режима с Аргентиной, Аконкагуа становится все более популярной горой, в чем можно убедиться, просмотрев отчеты и путевые заметки на хорошо известном в СНГ альпинистском сайте www.mountain.ru (раздел «Горы мира», далее — «Южная Америка»). Российские турфирмы типа «Альпиндустрии», специализирующиеся на экстремальных видах туризма, предложат вам целый пакет услуг, куда может входить все что нужно и не нужно, включая услуги мальчика с опахалом, чтобы отгонять несуществующих мух. Цена такого путешествия раз в пять—семь превосходит ту сумму, которую при удачных переговорах и умелой организации своего восхождения вы заплатите аргентинским турфирмам. И это без учета стоимости трансатлантического перелета. Стало быть, связываясь с «Альпиндустрией» или подобной ей турфирмой в России, вы должны быть готовы выложить за попытку взойти на самую высокую гору Западного полушария сумму, сопоставимую с ценой недорогого автомобиля иностранной сборки. Так что вывод простой: хочешь взойти на Аконкагуа — учи испанский. Впрочем, хорошее знание английского тоже сгодится. Но при этом вас вряд ли угощают в базовом лагере «веселительной продукцией» провинции Мендоса: за это удовольствие придется раскошелиться. А вот за знание испанского вполне могут налить — от всей щедрой аргентинской души. Особенно, если ваше восхождение оказалось удачным.

В Аргентине есть несколько турфирм, которые помогут вам организовать коллективную или индивидуальную экспедицию на заветную вершину. Попасть на гору без фирм, на свой страх и риск, пожалуй, вообще нельзя. Наиболее крупные и известные из них — «Фернандо Грахалес» (Fernando Grajales) и «Инка экспедицйонес» (Inka expediciones). Прочитав один из отчетов на вышеупомянутом сайте «mountain.ru», я выбрал «Инку» (хотя по отзывам «бывалых людей» «Грахалес» не хуже). Переписка с ней у меня началась в июле — за пять месяцев до поездки. В регистрационной фор-

* Historia de ascensos al Cerro Aconcagua (www.aconcaguaexpeditions.com-espanol-8-historia.htm).

Аконкагуа — общий вид с юга

ме, которую нужно было заполнить, есть пункт, касающийся опыта потенциального клиента. Его содержание влияет на исход переговоров с фирмой. Мне помог мой прошлый опыт (включая три семитысячника в СНГ). «Инка» позволила мне выбрать вариант индивидуального восхождения.

Чем коллективная, или организованная, экспедиция отличается от индивидуальной? Тем, что в первом случае вам предложат полный пакет услуг — от встречи в аэропорту и размещения в гостинице Мендосы до «чая-кофе» в палатке на высоте более 6000 м ранним утром перед восхождением под присмотром гида. Такие услуги стоят 3200—3380 долл. («от Мендосы до Мендосы»), но возможен и вариант «от Сантьяго до Сантьяго» с пересечением аргентинско-чилийской границы). Правда, о своих случайных попутчиках вы узнаете, только приехав в Мендосу, а их физические возможности и способность приспосабливаться к кислородной недостаточности, чреватой недостаточностью сердечной, выяснятся далеко не сразу. За гидом остается право спустить всю экспедицию вниз, если он сочтет, что здоровье большинства участников не позволяет им совершить восхождение. К тому же неизвестно, чем и как вас будет кормить на высоте походный повар. Там, в заоблачных высях, далеко не все «естся» так, как на равнине. Дело в том, что из-за кислородной недостаточности (гипоксии) затруднена работа печени, животные жиры и некоторые белки попросту не усваиваются, и калории наверху набираются за счет углеводов.

Но самое главное все же состоит в другом. Перечитав несколько раз предлагаемый «Инкой» план восхождения, я со своим высотным опытом понял: план, рассчитанный на 19 дней, включая день приезда в Мендосу и

последний день перед отъездом оттуда после экспедиции, составлен так, чтобы у клиентов было как можно меньше шансов взойти на вершину. Много дней отводится на акклиматизацию, что само по себе, конечно, хорошо, но при этом явно не хватает времени, чтобы привыкнуть к большим высотам — 5500—6000 м. Два запасных дня, предусмотренных в плане экспедиции на случай непогоды или легкого недомогания кого-то из участников, помогают мало. И такой подход фирмы вполне понятен: ведь для нее главное — деньги клиента. Ни его физическое самочувствие, ни погода на горе не зависят от фирмы, поэтому она за них и не отвечает. А ходить лишний раз на вершину, ночуя перед восхождением и после него на высоте, где начинается так называемая *зона смерти**, гидам, конечно, не хочется. Вероятность же того, что кто-то из клиентов «не сдюжит» из-за недостаточной высотной акклиматизации, весьма велика.

Индивидуальная экспедиция — иное дело. В этом случае услуги «Инки» обойдутся в общей сложности около полутора тысяч долларов. Карточки к оплате не принимаются (!), но чтобы не возить с собой наличность, можно перевести деньги на банковский счет фирмы. Даже встреча в аэропорту и размещение в мендосской гостинице не обязательны: зная язык, заказать гостиницу и такси от аэропорта до города можно и самостоятельно. От турфирмы требуется лишь доставить вас из Мендосы к началу пешего маршрута, предоставить мула, который понесет часть груза от ворот Национального парка Аконкагуа до базового лагеря на высоте 4300 м, а потом обратно, и обеспечить ночлег с питанием в базовых лагерях. Обустройство ночлега и питание выше базового лагеря — забота самого восходителя. «Инка» обещает там только спасательные работы в случае необходимости. За дополнительную плату можно взять напрокат высотную палатку, но я предпочел привезти свою, проверенную и знакомую. Купить же газовые баллончики (нужно 90—100 г сжиженного газа в день на человека, если даже растапливать снег на высоте) и всевозможные продукты в Мендосе не проблема. Единственный продукт, популярный среди туристско-альпинистской братии на просторах бывшего СССР, но который начисто отсутствует в аргентинских магазинах, — это тушенка. Аргентинцы, чья национальная еда — свежее мясо, не признают мясных консервов. Для них консервированное мясо — это лежащее в холодильнике замороженное мясо, которое нужно разморозить, пожарить и тут же съесть. Зато там изобилие консервированной рыбы и всяких морепродуктов, что для питания в условиях гипоксии неплохо: рыбий жир и белок усваиваются гораздо лучше, чем мясо. О всевозможных овощных консервах, сухофруктах, шоколаде и сухих сладостях и говорить не приходится.

От Мендосы до местечка под названием Пенитентес, расположенном на шоссе Мендоса — Вальпараисо, около 200 км, это примерно три часа езды. Пенитентес — горнолыжный курорт на высоте 2700 м над уровнем моря. В нем несколько гостиниц, большая часть которых открыта только в июне—сентябре во время сезона для горнолыжников. Летом работают лишь два-три отеля, в одном из которых «Инка» и размещает своих клиентов.

* Зона смерти — высота около 6000 м и выше, где из-за гипоксии организм человека не может сопротивляться даже легкой простуде. От нее там умирают быстрее, чем от потери крови. Любые медикаменты могут, в лучшем случае, отсрочить летальный исход на пару-тройку часов. Единственный выход в такой ситуации — немедленный спуск вниз.

Базовый лагерь Plaza de Mulas, 4300 м

Пенитентес — своего рода перевалочный пункт, оставаться в котором больше, чем на одну ночь, нет смысла. Место продувается всеми ветрами вдоль и поперек, ветер дует и в окна гостиницы, поэтому в комнатах отнюдь не жарко даже при солнечной погоде. Окрестный пейзаж не слишком радует глаз: кругом унылые отроги гор, шоссе, река и заброшенная Транс-андинская железная дорога. Поезда по ней давно не ходят, а восстанавливать ее для туристов нецелесообразно. В гостинице можно оставить вещи, которые не нужны в походе на гору. Здесь же отмеряется и раскладывается по баулам груз для мулов. Мулы до базового лагеря идут небольшими караванами по 5—10 мулов под присмотром погонщика, который едет на лошади. Мул несет два баула по 30 кг и ни грамма больше. От каждого клиента берут один баул. С собой нужно взять то, что потребуется в течение пути до базового лагеря и на ночевке в промежуточном лагере на высоте 3400 м. Впрочем, нести на себе хотя бы небольшой груз просто необходимо — акклиматизации высотной должна предшествовать акклиматизация физическая. Другими словами, надо привыкнуть к рюкзаку.

Упаковывать груз в баулы нужно очень тщательно: если мул окажется чересчур резвоногим, он растрясет ваши баулы и ненароком вывалит часть вещей по пути. Погонщик может этого и не заметить, а какой спрос со своенравной скотинки? На каждый баул выдается квитанция, так что найти его потом в базовом лагере легко.

В нескольких километрах от Пенитентес, ближе к чилийской границе, находятся ворота Национального парка Аконкагуа. (Около местечка Пунта-де-Вакас, чуть ниже по долине и ближе к Мендосе есть еще один вход

на территорию парка. Оттуда на гору ведет другой, чуть более сложный маршрут.) Здесь вам оформят разрешение (permiso) на вход в парк, хотя лучше это сделать заранее в головной конторе в Мендосе. Такое разрешение стоит 3000 аргентинских песо (650—680 долл.). Эти деньги не входят в ту сумму, которую нужно платить турфирме, а идут властям провинции Мендоса. Причем платить нужно только наличными и только в аргентинских песо. Терминала для обработки банковских карточек здесь нет. В связи с этим мне вспомнилось объявление, которое я увидел в сентябре 2009 г. в обычном автобусе в Ресифи, столице бразильского штата Пернамбуку. В нем было сказано, в частности, что впредь «бумажные продажи» — судя по всему, транспортных карт — осуществляться не будут, а только через Интернет. «И это отсталый Северо-Восток Бразилии?!», — мелькнула у меня в голове мысль. Наверняка, подумал я тогда, бразильцы оборудовали бы контору, подобную той, о которой я говорил, устройством для безналичных платежей, тем более, что речь идет все-таки о немалых суммах. Но это, так сказать, к слову.

В разрешении указано, какая турфирма вас опекает, до какого числа вы можете находиться в парке (разрешение выдается максимум на 20 дней), а также есть место, куда медики в промежуточном и базовом лагерях впишут сведения о вашем артериальном давлении, частоте пульса, уровне насыщения крови кислородом и о том, какие рекомендации вам даны. Если клиенту станет плохо на той высоте, на которой он оказался вопреки рекомендации врачей раньше времени, вообразив себя чересчур здоровым, то турфирма и администрация парка снимают с себя всякую ответственность за случившееся с ним несчастье, будь то болезнь или кончина. Наконец, в разрешении значится номер мешка для мусора, куда собирается все — от безобидных бумажных оберток до пустых газовых баллонов. Затем, уже в базовом лагере, сотрудники опекающей вас турфирмы выдают второй мешок с таким же номером — для отходов, так сказать, органического происхождения. Мешки нужно предъявить по возвращении сверху в базовый лагерь. Потеря мешка или возврат пустого мешка означают штраф в 1 тыс. песо. Надо сказать, что в целом склоны Аконкагуа чистые — не в пример нашему Эльбрусу и его подножию, хотя в одном месте я все же видел проржавевшие газовые баллончики и использованные батарейки для фотоаппарата.

От ворот парка вверх ведет асфальтовая дорога, которая вскоре превращается в проселочную. Недалеко — озеро с немногочисленными утками. Это Лагуна де Орконес (Laguna de Horcones), 2915 м, чуть дальше — большой висячий мост через бурлящий поток цвета кофе с молоком (песок и глина!). Около него дорога переходит в обычную тропу. Широкое ущелье с ревущей рекой напоминает памирские пейзажи. Отроги гор, как и на Памире, сложены из конгломератов — смеси песка, глины и камней. Правда, кое-где видны выходы пород явно вулканического происхождения, чего на Памире нет. Сушь и ветер. На солнце жарко, но вечером, как и на Памире, сразу после захода солнца резко холодает. Через 3—3,5 часа пути от ворот парка тропа приводит к промежуточному лагерю на высоте около 3400 м. Это место называется Конфлюэнсия (Confluencia). Недалеко от него сливаются два потока, один из которых, левый, течет из-под Южной стены Аконкагуа. Здесь первая ночевка в палатках «Инки». Моя высотная палатка — в бауле, который, вероятно, уже в базовом лагере. Матео, он в

Вершина, 6962 м

лагере главный от «Инки», предлагает мне за ужином выпить вина. Я вежливо отказываюсь, ссылаясь на то, что сегодня только первый день пути и выпивать вроде бы не с чего. Обещаю «исправиться» на обратном пути.

Второй день, 21 декабря, показался мне самым трудным за время всего восхождения. В этот день нужно пройти 8—9 часов, а с привалами и все 10—11, набрав почти 900 м по вертикали. Причем путь пролегает сначала с очень небольшим набором высоты по пустыне. Несмотря на протекающую в долине реку, растительность по мере подъема и приближения к леднику становится все более скудной и вскоре пропадает совсем. Навстречу дует очень сильный ветер. Он поднимает клубы песчаной пыли, которая попадает в нос и рот, хрустит на зубах. Иногда ноги вязнут в песке. Тем не менее тропа видна очень хорошо, и сбиться с нее невозможно. Основной подъем приходится на последнюю часть пути, когда требуется уже некоторое волевое усилие, чтобы заставить себя не расслабляться. Наконец, впереди появляется аргентинский флаг на флагштоке, а за ним — многочисленные палатки. Но от того места, откуда виден лагерь, до самого лагеря идти еще 40-45 минут. Как правило, после второго дня пути многие отдыхают в базовом лагере и никуда не идут.

Базовый лагерь называется Пласа-де-Мулас (Plaza de Mulas). Он расположен на огромной, сравнительно ровной морене ледника. Высота лагеря примерно 4300 м над уровнем моря. Помимо жилых палаток и палаток-столовых, кухонь, туалетов и умывальников там есть свой «El Palacio de comunicaciones» — палатка с Интернетом и спутниковым телефоном. Пользование всемирной сетью в течение 15 минут стоит 10 долл., 30 ми-

нут — 18. Разговор по телефону внутри Аргентины — 2 долл. в минуту, с границей, будь то соседняя Бразилия или далекая Россия — 3 долл. Можно расплачиваться как долларами, так и аргентинскими песо по курсу 1 доллар = 4,5 песо. Здесь же домик рейнджеров парка Аконкагуа и медпункт. Прохождение медосмотра обязательно.

Кормят в базовом лагере вкусно. Еду готовят на баллонном газе. В изоляции предлагаются соки и всевозможные чаи. Правда, утром и вечером в столовой палатке холодно. Температура ночью падает до минус 5—7 градусов, и вода в умывальнике замерзает. Оттаивает она только часам к 11, поэтому остается уповать на горячую воду, которую можно попросить на кухне. Освещение и связь — благодаря солнечным батареям. К сожалению, есть проблема с душем, во всяком случае, у «Инки». Помыться в душе, как говорят, стоит то ли 5, то ли 10 долл. С меня, правда, ничего не взяли, возможно, в награду за знание испанского языка. Не поверю, что просто забыли взять деньги. Об этом здесь никогда не забывают. Если нужно, вежливо напомнят.

Что такое душ на Пласа-де-Мулас? В огороженной всякой всячиной кабинке при складской палатке установлена большая бадья. От нее сделан отвод с рассекателем. В бадью наливают то холодную, то горячую воду из ведра, пробуя на ощупь, какой воды нужно еще добавить. В самой кабинке прохладно, не намного теплее, чем снаружи, поэтому не стоит откладывать помывку на вечер, когда резко похолодает. К сожалению, в отличие от высотных базовых лагерей на территории бывшего СССР, будь то под пиками Ленина, Корженевской, Победы или Хан-Тенгри, расположенных примерно на такой же высоте, что и Пласа-де-Мулас, здесь нет ни бани, ни сауны. Наличие последней — не блажь, а спортивно-медицинская необходимость. Это — и профилактика простуд, и отдых для мышц, и очищение пор, что облегчает дыхание на высоте. Отсутствие бани-сауны под Аконкагуа, однако, объяснимо не только тем, что аргентинцы не любят париться (в гостинице в Буэнос-Айреса, где я остановился на два дня на обратном пути в Европу, была сауна), но и страшной энергоемкостью сего объекта. Трудно себе представить, какие нужны солнечные батареи и аккумуляторы к ним, чтобы нагреть полноценную сауну и поддерживать в ней нужную температуру. В лагерях на Памире и Тянь-Шане бани топятся соляной, которая в огромных бочках забрасывается, как и сами восходители с их грузом, вертолетами МИ-8. Здесь, в Аргентине, таких мощных винтокрылых машин нет (об армии, конечно, речь не идет). Вертолеты, которые есть у администрации парка, используются лишь для спасательных работ и транспортировки небольших грузов. Так что не все так плохо в СНГ. Еще есть кое-что хорошее, чего нет в других местах на Земле. В частности, бани в альплагерях.

Следует заметить, что все — и рейнджеры, и гиды, и врачи — настоятельно советуют пить как можно больше воды, 4—5 л в день, пить, даже если не хочется. Действительно, из-за разреженного воздуха организм с дыханием теряет огромное количество влаги. Реальная суточная потребность в воде составляет не 4, а 5-6 л в сутки. Ее удовлетворение — условие (но не гарантия!) успешной акклиматизации. По своему опыту могу сказать, что лучше всего на больших высотах жажду утоляет зеленый чай (впрочем, мате тоже годится). Ни черный чай, ни кофе с этой задачей не справляются так, как он. Кроме того, зеленый чай улучшает кровообращение, расширяя капилляры в конечностях, и тем самым препятствует обмо-

рожению рук и ног. Известны случаи, когда даже опытные альпинисты обмороживались только потому, что у них не было термоса с чаем или не хотелось нести лишний баллончик с газом, чтобы растопить снег и приготовить попить.

Основная часть восхождения начинается после отдыха в базовом лагере. На пути от Пласа-де-Мулас до вершины есть еще три лагеря. Первый — Площадь Канады (Plaza de Canadá) на высоте 4900 м. До него около трех часов неспешной ходьбы. Обычно туда относят часть груза, который понадобится наверху, и в тот же день возвращаются в базовый лагерь: для лучшей акклиматизации нужно именно ходить вверх-вниз. Только как минимум на следующий день «в Канаду» приходят с ночевкой. Снега там было очень мало, к тому же за ним надо было далеко идти. Я рискнул и прошел сразу до второго лагеря, который называется Гнездо Кондоров (Nido de Cóndores). Его высота — 5380 м. Набор более километра вверх, конечно, дает о себе знать. Голова не болит, но в ней чувствуется какая-то тяжесть. А ведь еще нужно уложить вещи, которые остаются здесь, упаковать продукты и высотную теплую одежду в полиэтиленовые мешки на случай снегопада, а потом еще заложить все это добро тяжелыми камнями, чтобы не разметало ветром. Становится ясно, что после возвращения в этот же день на Пласа-де-Мулас на следующий день нужно отдыхать и только послезавтра идти сюда с ночевкой.

...«Гнездо Кондоров» меньше всего напоминает гнездо. Этот лагерь расположен на огромном плато. Палатки разных групп, как правило, стоят на большом расстоянии друг от друга: места всем хватает. Снег есть, хотя он и не лежит сплошным покровом, так что с водой нет никаких сложностей.

Рядом со стационарной палаткой дежурных рейнджеров парка стоит другая палатка. Это, возможно, самый высотный в мире полицейский участок. Его личный состав — три человека во главе с капитаном, который не преминул завести со мной беседу, тем более, что ложбинка недалеко от этой «комиссарии» показалась мне подходящим местом, чтобы установить там свою палатку. Капитана зовут Антонио, ему 44 года. У него трое детей среднего и младшего школьного возраста. Дежурство на высоте длится 15 дней, потом он и его бригада спускаются на отдых. Надо сказать, что провести две недели на такой высоте, даже живя в теплой и просторной палатке, нелегко. На здоровье это сказывается не лучшим образом. Антонио говорит, что нынешний сезон на высоте для него последний. Я, в свою очередь, поинтересовался, каковы функции полиции в столь экзотическом месте. Понятно, что делают здесь рейнджеры парка. Но что делают полицейские? Оказывается, и тут бывают ситуации, которые требуют их вмешательства. Например, случаются кражи одежды и снаряжения. Через день-другой после нашей беседы, идя вверх, я встретил спускавшегося со стороны третьего лагеря Антонио. На короткой веревке он вел перед собой высокого средних лет мужчину, обвязанного той же веревкой. Сзади шла молодая женщина. «То ли поймал злоумышленника, то ли ведет заболевшего и связал его, чтобы тот не упал», — подумал я*. Мы с Антонио поздоровались, но я не стал спрашивать его, что случилось.

* Горная болезнь вследствие гипоксии может привести к галлюцинациям и кратковременному расстройству рассудка. Тогда больной впадает в полную апатию или, наоборот, становится чересчур активным и даже агрессивным. У него может появиться желание броситься вниз с обрыва. Оставлять в таком случае человека одного нельзя.

Во втором лагере я провел в общей сложности четыре ночи перед восхождением. Привыкание к высоте дается не без труда. Пришлось, в частности, сначала ограничиться легкой прогулкой примерно до высоты 5600—5700 м. Чтобы ускорить акклиматизацию, нужно двигаться, пусть даже через «не могу». Иначе потом будет еще хуже. Но и переусердствовать опасно. К тому же еще предстоит отнести груз в третий лагерь: продукты, газ, «кошки» (под вершиной может оказаться лед или, по меньшей мере, твердый фирн) и кое-что из одежды типа высотных рукавиц для тридцатиградусного мороза. Это работа для второго или третьего дня жизни в «Гнезде». И только потом надо переселяться наверх, в третий лагерь, откуда и идут на вершину.

Третий лагерь состоит как бы из двух частей. Нижняя часть, «Приют Берлин» (El refugio Berlín) — это несколько небольших ровных площадок среди скал на высоте около 6000 м или чуть ниже. Кое-где стоят палатки, есть деревянный домик, который представляет собой нечто среднее между маленькой избушкой и большой собачьей будкой, видимо, для сенбернара или волкодава. В домике зияют дыры, в них когда-то намело снег. Но при желании в такой будке можно пересидеть ночь, если застала непогода. Несмотря на дыры, в ней все же дует меньше, чем снаружи.

Верхняя часть лагеря расположена в 15—20 минутах ходьбы, на 40 м выше. Эти 20 минут и 40 м могут иметь немалое значение при восхождении: каждый лишний шаг — это усилие, и лучше избежать его, чтобы сэкономить силы для решающего рывка. Так что стоит чуть поднатужиться и дойти до верхней части — большого плато, окруженного светлыми разрушенными скалами, сложенными из мягких пород с большим содержанием серы. Это место называется «Лагерь Холеры» (El Campamento del Cólera). Не знаю, откуда взялось такое название, вызывающее ассоциации с романом Гарсиа Маркеса «Любовь во время холеры». Но, по-моему, оно вполне могло бы вдохновить какого-нибудь талантливого писателя или киносценариста создать произведение «El amor en el Campamento del Cólera». Тем более, что с этого места открывается завораживающий вид на Анды, особенно в закатные часы.

В планах «Инки» для организованных групп, восходящих с гидом, предусмотрена только одна ночевка в этом лагере перед восхождением. Этого, на самом деле, мало. После такой ночевки надо бы спуститься в базовый лагерь и отдохнуть там два дня, не считая дня спуска. (Вот когда нужны баня или сауна!). И только потом идти на вершину, ночуя по пути в промежуточных лагерях.

Но почему бы не попытаться пройти вверх хотя бы полпути до вершины? Ведь это тоже акклиматизация, только очень жесткая. К тому же времени на то, чтобы делать все по правилам, у меня не так много, а время, чтобы попытаться, в случае завтрашнего неуспеха, взойти на вершину еще раз, есть. В конце концов я могу пробить здесь, на границе зоны смерти, четыре дня, хотя дежурившие в лагере гиды «Инки» и «Грахалес», с которыми я разговаривал, советовали идти на вершину сразу, избегая лишних ночевки на «Холере». Они, конечно, по-своему правы, потому что организм на такой высоте не отдыхает, а лишь теряет силы.

Утром решаю, что надо попробовать, хотя стартовать на вершину уже поздно. Выхожу в 8.40, тогда как «по науке» надо бы выходить в 6—6.30 утра, не позже. Подъем пологий, на склоне отчетливо виден серпантин тропы, которая выводит к небольшой площадке. Там стоит будка-

избушка вроде той, что около «Берлина». Это Площадь независимости (Plaza de Independencia), высота примерно 6400 м. В этом месте нужно надевать «кошки», потому что дальше — твердый фирн с выходами льда. Из-за перегиба поднимается человек. Его зовут Джон, он из американского штата Вашингтон, идет по северо-восточному маршруту через Польский ледник. У Площади независимости оба маршрута сходятся, и Джон становится моим попутчиком.

На вершине Аконкагуа с эмблемой ИЛА

После небольшого крутого подъема по снегу тропа вновь выполаживается и выводит на траверс под вершиной. Набор высоты растянут на большое расстояние, но идти от этого не легче. Все-таки сказывается недостаток высотной акклиматизации. Тем не менее примерно в половине второго мне становится ясно: гора «берется». Дальше подъем становится более крутым и проходит по осыпи, состоящей из крупных камней, и по разрушенным скалам. Часто нужно переходить со снега и льда на камни и обратно на снег. От хождения по камням «кошки» тупятся, но поделаться с этим ничего нельзя.

В удобном месте у большой скалы можно сделать привал. В ход идет зеленый чай из термоса. А вот есть совершенно не хочется. Здесь же мы с Джоном нагоняем двух его подружек, тоже из штата Вашингтон. Они «приписаны» к «Грахалес». Одна из них, правда, идет неважно, но все же старается не отставать. Время отнюдь не раннее, в такое время уже надо бы спускаться с вершины. Но и поворачивать назад нет смысла. Да и погода, которая славится здесь своей неустойчивостью, «шепчет», поэтому нужно использовать момент для решающего рывка. Теперь только вперед. Наконец, из-за гребня справа по ходу появляется Южная вершина. Еще немного, поворот направо, и подъем кончается, впереди открывается каменистое плато. Вершина! С юго-запада на нее наползают облака, которые наполовину закрывают панораму Анд. Тороплюсь сделать несколько фотоснимков, прошу Джона сфотографировать меня с эмблемой Института Латинской Америки в руках. **30 декабря 2011 года, в 17.08 по местному времени, когда в Москве было уже за полночь, эмблема ИЛА РАН на 51-м году его существования появилась на высшей точке обеих Америк.** Обещание занести эту эмблему на вершину, которое я дал своим коллегам-латиноамериканистам без гарантий на успех, выполнено.

Поскольку облака начинают закрывать путь спуска (они, правда, рассеялись, когда немного похолодало), я предлагаю своим спутникам спускаться плотной группой, чтобы не потеряться в тумане. Мы так и спускаемся все вместе до выхода на пологое место. Там Джон с нами прощается, потому что ему предстоит спускаться гораздо дольше, чем нам, и надо почти бежать. Я остаюсь с двумя американками, одна из которых идет из последних сил. Около Площади независимости догоняем японца или ко-

рейца. Он, видимо, не смог взойти на вершину и теперь, идя вниз, в буквальном смысле падает. Продолжать спуск он уже не в состоянии. Тогда я предлагаю одной из своих попутчиц оставить ее подругу и полуживого горе-восходителя из Восточной Азии здесь, а самим бежать в лагерь и звать спасателей.

Однако гиды «Грахалес», находившиеся в «Лагере Холеры», выслушав меня, не проявили никакого желания ни бежать навстречу отставшим, ни связываться по радиации с рейнджерами по поводу случившегося и заверили, что все будет хорошо. Дескать, бывает и не такое. Действительно, утром и американка, и ее случайный сотоварищ по упадку сил из Азии благополучно спустились в лагерь, видимо, проведя холодную сидячую ночевку. Повезло...

В новогоднюю ночь, которую я провел в «Гнезде Кондоров», пошел не большой снег. Ветра почти не было. Бежать в базовый лагерь не хотелось — можно представить себе, какой там стоял шум и гам по случаю праздника. Банка консервированных кальмаров в оливковом масле, овощные консервы, куча сладких рисовых и пшеничных галет, шоколад и граммов 200 шотландского виски, оставшиеся после употребления «в медицинских целях»... Чем не праздничный ужин?

Мой пеший поход, теперь уже с горы, закончился 5 января. На следующий день мне нужно было попасть в Сантьяго, где у меня уже был заранее оплачен номер в гостинице. Из Мендосы в Сантьяго и Вальпараисо идут рейсовые автобусы, билет стоит около 100 песо. На линии работают несколько транспортных компаний, которые конкурируют между собой и по ценам, и по качеству услуг. Есть рейсы подороже и подешевле — на разные уровни притязаний и доходов клиентов. Но эти автобусы не останавливаются в Пенитентес. Значит, надо на машине «Инки» возвращаться в Мендосу и там, купив билет на автобус, потом снова ехать той же дорогой в обратном направлении. Такой вариант меня не привлекает. В гостинице узнаю, что неподалеку живет сеньора Габриэла, которая и может мне помочь. Она и ее семья занимаются мелким бизнесом. Это и магазинчик, торгующий всякой всячиной типа минеральной воды и чипсов, и, как мне показалось, автомастерская, и кафе. Продает она и билеты на автобус в Чили. Делается это так. Сначала сеньора Габриэла звонит по мобильному телефону и выясняет, есть ли места. Потом она записывает в тетрадку имя, фамилию и номер паспорта клиента. Российский паспорт, естественно, вызвал у нее искреннее удивление, и мне еще пришлось ей объяснять, что теперь у России с Аргентиной и Чили действует соглашение о безвизовом режиме, поэтому никаких проблем с въездом в соседнюю страну у меня быть не должно. Наконец, сеньора Габриэла выписывает билет на завтрашний день до Сантьяго. Стоит он 160 песо, то есть дороже, чем билет на большее расстояние от Мендосы до Сантьяго. Но ничего не поделаешь — монополия...

Автобусик с чилийским номером под названием «El burrito» («ослик»), рассчитанный на 17 пассажиров, остановился на обочине шоссе напротив дома Габриэлы всего лишь на 15 минут позже указанного в билете времени — полудня. На фоне других машин, обслуживающих линии Мендоса — Сантьяго или Буэнос-Айрес — Сантьяго, он действительно выглядел, как ослик, среди больших грациозных коней, особенно когда остановился в конце длинной очереди на границе.

Контрольно-пропускной пункт называется «Los Libertadores» — «Освободители». Со стороны Аргентины контроля нет, и вас сразу приветствует щит с надписью: «Добро пожаловать в Республику Чили». Весь поток машин разделяется на три разных очереди: для легковых авто, грузовиков и автобусов. Выглядит пункт довольно солидно. У входа в главный павильон, где и происходит контроль, есть два ларька-кафе с бутербродами, «эм-панадами» (это печеные пирожки с мясом, рыбой или овощами, популярные в Аргентине и Чили), соками, чаем-кофе и т.п. Ларьки не простаивают: пока дождешься своей очереди, как раз захочется есть. Сначала — процедура паспортного контроля. Соответствующие службы обеих стран располагаются в одном и том же помещении, где оборудовано несколько окошек: нечетные — Migración Argentina, четные — Migración Chilena. Проезжающие через границу заходят в павильон по мере того, как приближается очередь на досмотр их автобусов. Отстояв минут 15—20 за аргентинским штампом на выезд, нужно становиться в соседнюю очередь за чилийским штампом на въезд. Миловидная дива из чилийской международной полиции смотрит на мой паспорт с еще большим удивлением, чем смотрела сеньора Габриэла накануне, и спрашивает про визу. Я говорю про соглашение о безвизовом режиме между Россией и Чили, она уходит и отсутствует довольно долго, минут 10—12. Затем ставит штамп. Теперь — таможня. Чилийские таможенники просвечивают *весь* багаж, который проходит через них. На территорию страны нельзя ввозить продукты питания, особенно растительного происхождения, включая яблоки или бананы, взятые перекусить в дороге. У меня на глазах у двух пожилых женщин конфисковали пачку гороха в фабричной упаковке. Тут же бегают собаки, натренированные на наркотики. Наконец, процедура досмотра заканчивается и нужно записывать багаж обратно в «ослика». С момента остановки в конце очереди до отправления в путь уже по чилийской территории прошло четыре с половиной часа. Говорят, что это немного. Можно простоять и 6—7 часов.

Вдоль полосы встречного движения в ожидании контроля стоят грузовики. Узкая дорога спускается с перевала крутым серпантинном, и многокилометровая вереница грузовиков затрудняет и без того непростое движение по ней. А как же соглашение о торговле между Чили и Mercosur? А где все красивые декларации о латиноамериканской интеграции? Кажется, очередь из грузовиков, которым предстоит провести в ней много часов, если не суток, иллюстрирует действие этих деклараций как нельзя лучше. Но это уже другая тема.